

Рецензия на монографию: Н.Р. Ойноткинова Алтайские пословицы и поговорки: лингвопоэтика и прагматика жанров. Новосибирск, 2012. 354 с.

УДК: 398.23(=512)(048)

Монография Н.Р. Ойноткиновой посвящена комплексному исследованию алтайских пословиц и поговорок (или паремий) в сопоставительном аспекте. Пословицы и поговорки есть в каждом языке. Они регулярно используются в устной и письменной речи, они доступны каждому носителю языка. За внешней простотой формы и кажущейся прозрачностью смысла пословиц и поговорок скрывается целый мир. В своей фундаментальной работе Н.Р. Ойноткинова стремится охватить необъятное, но тем не менее автору удалось достичь поставленной цели – выявить и описать «структурные, поэтические, прагматические, концептуальные особенности» алтайских паремий.

В корпус алтайских паремий данной монографии вошли пословицы и поговорки из всех имеющихся литературных источников, а также паремии, полученные автором в полевых условиях – всего 1410 единиц (с. 12). Кроме того, Н.Р. Ойноткинова привлекла языковой материал других тюркских языков, в основном Саяно-Алтайского региона – шорского, хакасского, тувинского. Алтайский материал прошел «проверку на сохранность» у современных носителей языка.

Рецензируемая монография имеет солидную теоретическую базу. В ней учтены результаты исследований отечественных и зарубежных ученых в области фольклористики, стилистики, структурной паремиологии, лингвофольклористики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики. Метод изучения фольклорного материала, использованный автором, – «структурно-семиотический» (с. 15).

В монографии Н.Р. Ойноткиновой четыре главы, заключение, библиография, а также приложения, системно представляющие языковой материал.

В главе I описываются общие теоретические подходы к изучению пословиц и поговорок, объясняется терминологический аппарат, приводятся данные из истории формирования алтайского паремийного фонда, а также данные, полученные в результате сопоставления паремийного фонда алтайцев с общетюркской и саяно-алтайской паремикой. Представив обзор направлений в области паремиологии, Н.Р. Ойноткинова отметила, что данная работа базируется на принципах лингвофольклористики, «выработавшей новый подход к языку фольклора, который требует осознания необходимости интегративного, системного анализа народно-поэтического языка» (с. 35).

Как показывает автор, в алтайском языке регулярно используется несколько видов устойчивых мини-текстов, которые различаются по нескольким показателям. Каждый из жанров устойчивых «изречений» имеет в алтайском языке собственный термин. Н.Р. Ойноткинова проводит последовательное разграничение схожих единиц. Так, эпические формулы называются *кай чечен сӧс*. Они напоминают пословицы, но в них отсутствует назидательный смысл, а функцией является указание этапа повествования. Клишированные высказывания *чечен сӧстӧр* (афоризмы) восходят к художественным текстам (т. е. их источник не народное творчество). Образные устойчивые единицы *бузылбас сӧсколбулар* (фразеологизмы), традиционно относимые к паремиям, являются словосочетаниями, а пословицы и поговорки – предложениями. Фразеологизмы могут входить в состав пословиц и поговорок.

Предметом исследования Н.Р. Ойноткиновой стали паремии *кеп сӧстӧр* (пословицы) и *укаа сӧстӧр* (поговорки). *Кеп сӧстӧр*, по определению Н.Р. Ойноткиновой, – «это поэтически организованные, как правило, *двухчастные* изречения назидательного характера, имеющие формы законченных предложений, простых или сложных. Они обладают прямым или переносным значением, которое выражается преимущественно с помощью стилистических фигур и тропов» (с. 67). *Укаа сӧстӧр* – «это неритмичные, как правило, *одночастные* изречения, характеризующие отдельные свойства природных явлений или состояний человека и имеющие формы законченных простых предложений. Они также обладают прямым или переносным значением, которое выражается с помощью тропов» (с. 68).

Автор рассматривает паремии как тексты и дискурсы, описывает их внутриязыковую и межъязыковую вариативность, определяет источники пополнения фонда паремий. Н.Р. Ойноткинова показывает, что алтайские (а также сибирско-тюркские) пословицы и поговорки развились на общетюркской основе. Приведем знаменитую древнетюркскую поговорку, сохранившуюся в тувинском языке: *Чус кижиниң арнын көөр орнунга, / Чаңгыс кижиниң адын танып ал* 'Чем сто человек в лицо знать, / Лучше имя одного человека знать' (с. 115–116).

Н.Р. Ойноткинова в ходе своего исследования подбирала аналоги алтайским паремиям из других тюркских языков. Результаты сопоставления свидетельствуют о тесной связи паремических систем алтайского языка и других тюркских языков Сибири, особенно Южной ее части (т. е. Саяно-Алтая) (с. 53). Пример: *алт. Айткан сѳс – аткан ок* ‘Сказанное слово – пущенная стрела’; *якут. Куһи тыла – ох* ‘Человеческой слово (язык) – стрела’; *шор. Ат пожанганын тударзың, / Сѳс пожанганын тутпассың* ‘Вырвавшуюся на волю лошадь поймаешь, / Сказанное слово не поймаешь’ (с. 237).

В главе II «Образно-поэтическая система алтайских паремий в сопоставлении с паремиями народов Сибири» исследуется лексическая основа образных средств, к которым отнесены параллелизм, метафора, эпитеты, метонимия, гипербола, литота, сравнение, перифраза.

Н.Р. Ойноткинова отмечает, что «поэтический строй алтайских паремий отражает систему образов, культурно-исторически закрепленных в фольклоре и языке» (с. 123). Анализ образных средств, объективируемых алтайскими пословицами и поговорками, позволил автору выявить культурные коды, реализуемые в алтайской паремике (антропоморфный, биоморфный, природный, артефактный, соматический, числовой, временной, хтонический, духовный). В паремике отражен весь воспринимаемый мир, который получил в данной работе национально-специфическую интерпретацию (с. 123).

Автор работы проводит глобальный анализ лексики, используемой в текстах паремий, приводит статистические данные частотности, что находит отражение в списках и таблицах (с. 70, 320).

Основным образным средством формирования паремий автор считает *параллелизм*: 54,8 % паремий основаны на параллелизме (с. 72). Н.Р. Ойноткинова анализирует параллелизм как образное средство, раскрывает символический характер образов, интерпретирует содержание паремий (с. 72–85). По сути, «поэтические мини-тексты», композиционно являющиеся параллелизмами, автор считает «алтайскими пословицами (*кеп-сѳстѳр*)» (с. 155) и, соответственно, противопоставленными поговоркам, состоящим из одной пропозиции. Это обстоятельство, по-нашему мнению, не позволяет поставить параллелизм в один ряд с тропами (см. таблицу на с. 71–72).

Описанию тропов посвящены специальные разделы данной главы. Так, троп *метафора* служит семантической основой значительного числа анализируемых автором паремий. В структуре паремий метафора концентрируется в субъекте, объекте и предикате. Субъектные и объектные метафоры, по мнению Н.Р. Ойноткиновой, «служат для образной репрезентации концепта КИЖИ ‘человек’: *Кажы ла тѳлкѳ жаражыла мактанар* ‘Всякая лиса своей красой хвалится’ (высказывание о хвастуне, с. 87); *Колго изѳ кос албайтан* ‘В руки горячие угли не берет’ (о людях, избегающих перегрузок, с. 97). Предикатные метафоры характеризуют абстрактные понятия: *Аданын колы кату, / Эненин колы јымжан* ‘Руки отца тѳрдые, / Руки матери мягкие’ (о воспитании: рука – символ власти, руководства, с. 105). Автор работы описывает фонд лексем, выявленных из метафорических паремий, и показывает, что они приобрели функцию символов. В этот фонд входят зоонимы, фитонимы, лексемы-артефакты и натурфакты. Лексемы-символы отражают специфику бытования этноса. Например, образы коня и собаки характеризуют отношение человека к труду (с. 89). В поговорке человеческое общество метафорически представлено словом *мал*, правитель – словом *айгыр*: *Айгыры јок мал чачылчан* ‘Без жеребца табун разбредается’ (с. 88).

В составе паремий, как устанавливает Н.Р. Ойноткинова, используются устойчивые *эпитеты* – «прилагательные, имеющие яркую метафорическую образность» (с. 105). Эпитеты в составе паремий – это в основном прилагательные цветообозначения и обозначения материала: *ак* ‘белый’, *кара* ‘чѳрный’, *ала* ‘пѳстрый’, *боро* ‘серый’, *кызыл* ‘красный’, *кѳрен* ‘коричневый’, *алтын* ‘золотой’. Данные эпитеты приобрели символическую функцию. Так, лексема со значением «белый» связана с понятием «добро». Лексема со значением «чѳрный» реализуется двояко: в паре с *ак* ‘белый’ *кара* ‘чѳрный’ обозначает «зло», в других контекстах – то, что имеет отношение к природе, нечто аутентичное (*кара јер* ‘чѳрная земля’, *кара суу* ‘родник’).

Метонимический перенос, как показывает анализ автора, осуществляется в следующих направлениях: 1) лексема-соматизм (обозначающая часть тела, орган) символизирует качество человека, 2) лексема-соматизм символизирует качество животного, 3) лексема, обозначающая часть предмета, символизирует качество предмета. Таким образом, соматизмы и некоторые другие лексемы переходят в разряд образов-символов (с. 111). Так, лексема *баш* ‘голова’ в составе паремий обозначает сознание человека, жизнь человека, самого человека. Лексемы *оос* ‘рот’, *эрин* ‘губы’ связываются с достатком и благополучием. Лексемы *јус* ‘лицо’ и *мандай* ‘лоб’ – с выражением стыда. Лексема *јаак* ‘щека’ – с обозначением хорошего здоровья. Эмоциональную и духовную жизнь алтайцев (как и других тюрков) обозначают лексемы *буур* ‘печень’, *ич* ‘нутро’, *јѳрек* ‘сердце’, *кѳѳн* ‘душа’. Качества животных символизируют лексемы, обозначающие часть тела (например, хитрость лисы обозначает

лексема *куйрук* ‘хвост’). В перечень предметов, характеризующихся с помощью метонимии, входят в основном лексемы, обозначающие жилище и утварь, одежду.

Тропы *гипербола* (преувеличение) и *литота* (преуменьшение), как указывает Н.Р. Ойроткина, в составе паремий привлекают дополнительное внимание к содержанию высказывания. Эти фигуры реализуются по отдельности, а также в паре, создавая эффект антитезы: *Төдөчө төгүн болгончо, / Торбокчо чындык болзын* ‘Чем ложь с верблюда, / Лучше правда с бычка’ (с. 114). Семантика количества (размера) реализуется при помощи нумеративов (числительных). Набор нумеративов в алтайских паремиях показывает, что они являются общетюркскими кодами-символами: *бир* ‘один’, *эки* ‘два’, *алты* ‘шесть’, *алтан* ‘шестьдесят’, *мун* ‘тысяча’ и др. На парных противопоставлениях нумеративов в паремиях реализуются фигуры гиперболы и литоты, например: *алт. Билерге – бир сөс, Билбеске мун сөс; шор. Пилер кижиге – тир сөс, / Пилбес кижиге муң сөс* ‘Знающему человеку – одно слово, / Незнающему человеку – тысяча слов [требуется]’ (с. 116).

В составе паремий используются *сравнения*. Н.Р. Ойроткина показывает, что предметами сравнений служат человек, артефакт, понятия культуры. Эталоны сравнения для человека служат понятия, выражаемые зоонимами, фитонимами, хтонимами (обозначающими мифические существа), а также лексемами, обозначающими артефакты и натурфакты. Лексемы-эталонны сравнений, по сути, превратились в символы. Так, у тюрков Сибири образ зайца характеризует трусливого человека, образ горы – доблестного богатыря. Образ собаки часто соответствует отрицательному персонажу: *Жаман сескен ийт чилеп айлынаң качыр* ‘Подобно собаке, учуявшей плохое, из дому убегает’ (с. 118). Для понятий культуры в качестве эталонов сравнения в паремиях используются названия материалов (*алтын* ‘золото’, *таш* ‘камень’), а также космонимы (*күн* ‘солнце’, *ай* ‘луна’, *тенгери* ‘небо’): *Жакшы иш күннен жарык* ‘Хороший труд ярче солнца’ (с. 119). Понятие Родины тюрки Сибири сравнивают с отцом и матерью: *алт. Айландыра турган туулары / Азырап койгон адазындый, / Эбирип аккан суулары / эмзип койгон энезиндий* ‘Горы, стоящие вокруг, / Словно отец вырастивший, / Реки, текущие вокруг, / Словно мать, вскормившая грудью’ (с. 120).

Н.Р. Ойроткина в составе паремий обнаруживает *перифразы*, выполняющие особые стилистические функции. Действительно, перифразы, заменяя конкретную лексему ее опосредованным, образным описанием, создают импликацию, которую адресат должен расшифровать, что требует дополнительных усилий, а значит, привлекает дополнительное внимание. Например, в паремии *Тулаан айда тулундулар үйде отурбас* ‘В феврале имеющие косы (т.е. девушки) дома не сидят’ (с. 121) перифраза создает эффект шутки, игры. Перифразы, дающие негативную характеристику лица, несколько смягчают атмосферу коммуникативной ситуации, не называя качество человека прямо: *мынганына тайанар* ‘хватаящийся за поясницу’ (бездельник), *кере алтаган* ‘любящий бродить’ (бездельник), *ийт жастаган* ‘собаку подложивший’ (пакостник) (с. 122).

В главе III «Прагматические и поэтико-синтаксические особенности алтайских пословично-поговорочных текстов» автор выявляет грамматические структуры, формирующие тексты данного жанра, и описывает их функциональную реализацию.

В качестве базового прагматического принципа функционирования «пословично-поговорочных (или паремических) текстов» в алтайском языке Н.Р. Ойроткина рассматривает категорию предикативности, реализующуюся как модальность, темпоральность (время) и персональность (лицо).

Автор монографии рассматривает реализацию категории объективной модальности в паремиях на уровне грамматики формами наклонений: отношение говорящего к содержанию высказывания как к реальному – формами изъявительного наклонения, как к нереальному – формами косвенных наклонений, а именно повелительного, условного, повелительно-желательного. Материал паремий в алтайском языке исключает использование форм сослагательного наклонения (с. 128–129), ср. в русском языке: Если бы да кабы, во рту бы выросли грибы или *англ. If wishes were horses, beggars would ride* ‘Если бы желания были лошадьми, нищие бы ездили верхом’.

Субъективную модальность паремийных текстов автор связывает с категорией оценки. По способу экспликации оценки паремийные произведения подразделяются автором на нормативные и ценностные суждения.

В ценностных высказываниях передаются «два типа интенций говорящих»: в положительном аспекте – похвала, в отрицательном аспекте – порицание. При характеристике артефакта в алтайских паремиях дается положительная или отрицательная оценка его свойств или качеств. При характеристике личности чаще дается оценка нравственных качеств человека, чем эстетических и психологических. Анализ содержания оценочных паремий показывает, что в алтайских паремиях преобладают пословицы с отрицательными этическими оценками (с. 194), поскольку норма не требует обсуждения.

В нормативных паремиях не только содержится оценка, но и присутствует информация о норме. Модальная форма предиката задает форму высказывания: констатацию, порицание, похвалу, запрет, рекомендацию, пожелания, предписания, предостережения, должествования. Нормативные паремии выполняют в основном дидактическую функцию.

К темпоральной характеристике паремий в алтайском языке относится собственно «всевременность». Как отмечает Н.Р. Ойноткинова, в алтайских паремиях, хотя предикаты выступают в формах настоящего, будущего и прошедшего времени, собственно темпоральные значения нейтрализованы. Из набора временных форм в паремиях предпочтительны простые синтетические, а не аналитические формы, что приводит к лаконичности – необходимому признаку жанра.

К особенностям персональной референции «пословично-поговорных текстов» в алтайском языке относится преобладание 2 и 3 лица. В структуре паремии подлежащее и дополнение, выраженное местоимениями 2 и 3 лица, обычно отсутствуют. Референция осуществляется за счет предикативных показателей сказуемых.

Н.Р. Ойноткинова описывает экспрессивные средства синтаксиса (синтаксический параллелизм, эллипсис и компрессию), создающие своеобразие формы алтайских (тюркских) паремий. Автор, отмечая наличие в основе параллелизма принципа сцепления, соединяющего высказывания в тексте, показывает, что большинство алтайских паремий (59 %) построено в традиционной форме тюркского стиха. Например: *Тойлогон кижги палкаш јиир, / Палкашта иштеген – май јиир* ‘Пировавший человек грязь будет есть, / В грязи трудившийся масло будет есть’ (с. 154).

Одночастные паремии отнесены автором к поговоркам (например: *Кечуди сурабай туруп, јаан сууга калыба* ‘Не спросив брода, в большую воду не прыгай’ – с. 155).

Н.Р. Ойноткинова отмечает, что алтайские паремии (*кеп-сөстөр* ‘пословицы’) по своему композиционно-синтаксическому строению могут быть двучастными, трехчастными и четырехчастными параллелизмами.

Между частями паремического текста выявляется семантика симметрии и контраста, составляющая стилистическую фигуру – антитезу, реализуемую в параллелизмах-сопоставлениях (*Колы көөлү – / Оозы үстү* ‘Руки его в саже – Рот его в масле’) и в параллелизмах-противопоставлениях (*Иштенкейге түн узун, / Јалкуга түш узун* ‘Для работающего ночь длинная, / Для ленивого день длинный’). Кроме данных примеров на основе простых предложений, автор приводит параллелизмы в структуре сложных предложений – см. с. 156).

Важное место в исследовании паремий принадлежит анализу ритмико-звуковой организации этих языковых единиц. Основными параметрами в этой области являются рифма и ритм. Автор монографии детально прописывает элементы, создающие рифму – «композиционно-звуковой повтор, в основе которого лежит созвучие» (с. 150). Повторы реализуются на разных уровнях: на фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом. Повтор (рифма) у слов появляется в разных позициях: в конце, в середине, в начале строки. Рифма присутствует в абсолютном большинстве алтайских паремий. Фонетический повтор автор рассматривает как разные виды аллитерации. Синтаксический повтор – это основа речевой фигуры – параллелизма. (с. 152–154).

Что касается структуры паремических текстов, то формальный анализ показывает, что подобные тексты реализуют «все те синтаксические типы предложений, которые существуют в языке вообще» (с. 159). Таким образом, паремии можно считать образами моделей построения высказываний, сохраняющими строй языка неизменным. Относительно структурных предпочтений автор монографии выявила, что в собранном фонде паремий преобладают простые предложения (65,5 %), сложных предложений в 2 раза меньше (31 %), осложненные предложения составляют 3,5 % (с. 156). Н.Р. Ойноткинова представляет паремийный материал, покрывающий структурные схемы простых глагольных предложений, реализующих семантику «состояния субъекта», «действия субъекта», «интеллектуальной деятельности». Лексическое наполнение перечисленных схем отражает типовые ситуации бытования алтайцев.

Именные простые предложения в составе паремийных текстов формируются именными аналитическими сказуемыми: имя (падежные формы имен, наречие, причастие) + связка *бол* = ‘быть, становиться’, являющаяся носителем предикативности. Автор отмечает, что именные модели паремийных текстов образуют три семантических блока: модели характеристики субъекта, модели реляции (отношения субъекта к другим субъектам.), модели бытия (существования, наличия, местонахождения). Н.Р. Ойноткинова подробно анализирует схемы именных предложений паремийных текстов, интерпретирует их прагматику.

Паремийные высказывания в алтайском языке могут иметь структуру сложноподчиненных предложений и предложений типа «асиндетон». Н.Р. Ойноткинова отмечает, что «сложные пословичные

предложения являются составными частями синтаксического параллелизма» (с. 184). Автор выявила семь разновидностей сложноподчиненных предложений: с придаточными определительными, условными, сравнительно-сопоставительными, относительными предложениями, а также с предложениями цели, уступки, времени. В бессоюзных сложных предложениях (асиндетон) Н.Р. Ойноткинова выделяет следующие типы отношений: противительные, изъяснительные, причинно-следственные, условные. Автор отмечает, что «бессоюзие» служит особым стилистическим приемом построения лаконичного стихотворного текста, в их поэтической структуре наличествуют обязательные стилистические элементы – параллелизм и аллитерация.

Глава IV посвящена «реконструкции алтайской паремической картины мира на основе концептов, объективируемых пословицами и поговорками». Н.Р. Ойноткинова, анализируя собранный материал, выявляет элементы национально-культурного своеобразия паремической системы алтайского языка, следующая ступень восприятия которой – это понимание специфики мировосприятия алтайцев.

Опираясь на концепты, Н.Р. Ойноткинова описывает мир ЧЕЛОВЕКА и мир ПРЕДМЕТОВ. Автор отмечает, что большинство алтайских паремий (около 80 %) репрезентирует макроконцепт КИЖИ ‘человек’, остальные 20 % – макроконцепт НЕМЕ ‘предмет’. Ядерный концепт КИЖИ ‘человек’ связан с концептами, характеризующими биологическую (физическую), социальную и духовную стороны жизни человека. Н.Р. Ойноткинова выявляет, что биологическая (физическая) сфера бытования алтайцев сопряжена с морально-этической. Пословицы и поговорки о старости призывают к уважительному, терпеливому отношению к пожилым и слабым. Судя по содержанию паремий, алтайцы считают, что жизнь и смерть человека предопределены свыше Кудаем и судьбой. Автор пишет, что во взглядах алтайцев на окружающий мир проявляется фатализм (с. 275).

В социальной субконцептосфере акцентируется внимание на происхождении человека, на его родственных связях, заслугах перед обществом, на его отношении к труду, отношении с окружающими людьми. Судя по содержанию концептов, алтайцами одобряется дружба, коллективизм, не одобряется одиночество. Автор отмечает, что в современном алтайском менталитете сохраняются некоторые патриархальные черты: при уважении к женщинам и девушкам роль лидера адресуется мужчине. Несомненная ценность общества – дети. Хотя основные черты личности считаются врожденными, воспитанию в семье уделяется важное внимание. Народное творчество учит философскому отношению к жизни, к восприятию окружающего мира в развитии. Это отражено, например, в поговорках о том, что сегодняшний богатч завтра нищим может стать, или о том, что сегодняшний сирота богатырем вырастет (с. 219–220).

Н.Р. Ойноткинова пишет, что алтайцы ценят такие душевные качества, как доброта, великодушие, милосердие, рассматриваемые как норма. Отсутствие нравственных качеств приводит к возникновению зависти, к совершению отрицательных поступков, к аморальному поведению. Внутренним регулятором морально-этического облика является наличие стыда (совести). Другой регулятор – ум. Человек должен вести себя умеренно, контролировать эмоции, речь, поступки. Положительным качеством является хитрость, «второй ум». Глупость как порок порицается.

Для речевого поведения алтайцев характерны тактичность, вежливость, немногословность. Осуждаются грубость, конфликтность, неискренность, обман, неумение высказывать свое мнение, пустословие, распространение сплетен и хвастовство. Тяготы повседневной жизни накладывают отпечаток на содержание паремийных высказываний. Н.Р. Ойноткинова пишет, что в алтайском паремическом фонде преобладает импликация отрицательных эмоций: грусти, тоски, уныния, обиды. Горе персонафицируется, оно, как живое существо, всегда находится поблизости и появляется внезапно. Алтайцы избегают «прозорливого пессимизма», так как отрицательные мысли притягивают несчастья (с. 276).

Пословицы, объективирующие концепт НЕМЕ, представляют собой практические советы, как относиться к своим вещам. Многие пословицы характеризуют предметы, которыми человек пользуется в быту, и отражают естественные потребности человека в еде, одежде. Важное место занимают изречения с идеей количества и качества, наличия и отсутствия, части и целого. Таким образом, заключает автор, паремийный фонд представляет собой «хранилище» ментальных стереотипов, применимых ко множеству ситуаций. Стереотипы мышления служат своего рода ориентирами поведения человека в обществе.

Значительный объем разноплановой информации монографии Н.Р. Ойноткиновой сложно отразить адекватно в общем обзоре, данная работа заслуживает внимательного прочтения и неоднократного к ней обращения. Возможно, эта идея частично воплощена в поговорках: *алт. Аамты жибей жадыт, амтамын алба* ‘Не попробовав еду, о вкусе не суди’ (с. 132) или *англ. The proof of the pudding is in its eating!*